

Специалисты утверждают: такого еще не было. Никита Михалков и впрямь побил никем не регистрируемый, но оттого не менее ценный в глазах профессионалов рекорд, принадлежащий отныне ему, и только ему: большую по объему (два с половиной часа!), масштабную по замыслу, многонаселенную картину «Утомленные солнцем» он задумал, снял, смонтировал, озвучил, показал в Канне — и все это уместилось в отрезок времени меньше, чем год...

Но дело, впрочем, не только в совершенно фантастическом для отечественного кино ритме работы, не только в количестве неимоверных усилий, которые довелось приложить небольшой студии «Три Тэ», чтобы посреди повсеместной разрухи начать и закончить (последнее случается далеко не всегда) огромный по затратам (в том числе и материальным) фильм, поднять который сегодня не по силам даже такому колоссу, каким остался «Мосфильм». Дело в самой ленте, ставшей главной сенсацией Каннского фестиваля, вышедшей в лидеры проката в ряде стран мира. Такого безусловного успеха наше кино не добивалось, пожалуй, со времен «Покаяния». Но если знаменитая картина Абуладзе открывала тему, то лента Михалкова, похоже, ее «закрывает»...

— Никита Сергеевич, как и когда у вас возник замысел «Утомленных солнцем»? Спрашиваю об этом потому, что вы обратились к сталинской эпохе одним из последних...

— В Евангелии сказано: первые станут последними, последние — первыми. Но это, конечно, шутка, забавный парадокс, не более. А на самом деле меня давно волновала атмосфера того времени, которое я сам в силу возраста уже не застал, но остоверно воспринимал в творчестве других. Например, в произведениях Аркадия Гайдара. Возьмите и перечитайте сегодня его «Голубую чашку» — небольшую повесть, написанную с поистине бунинской чистотой и силой, — и вы сквозь неизбежную советскую символическую, оптимистичную бодрость финала («а жизнь была совсем хороша») наверняка почувствуете и ощущение некой грусти, утраты, уловите щемящее сожаление о несбывшемся, которое, как писал Блок, всю жизнь волнует нас.

Моим «несбывшимся» была картина о том времени, которую я все откладывал, пока однажды не увидел «обойму» лент на интересующую меня тему, снятую другими. Увидел — и понял: дальше тянуть нельзя. Ибо многие мои коллеги, вчера уснувшие убежденными «красными», а сегодня вдруг проснувшиеся уже «трехцветными», снимают точно то же и точно так же, как 15–20 лет назад, только, разумеется, поменяв плюс на минус: «красные» у них стали плохими, а «белые» — хорошими. А в остальном — все так же плоско, тупо, пошло,

идеологично, заказно. Нам же с Рустамом Ибрагимбековым захотелось взять под защиту, что ли, то время. Не сталинизм, разумеется, мы хотели защитить, а людей, саму

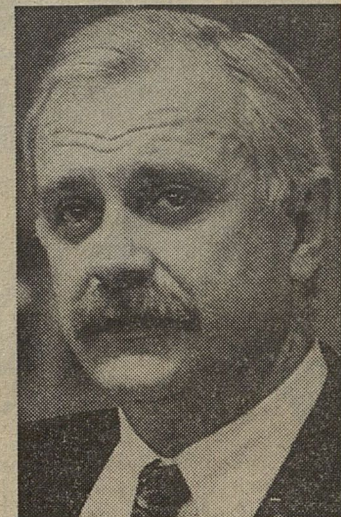
рез политическую риторику, мне не интересную.

При этом я, повторю, не хотел и не хочу обвинять никого из своих героев. А тем более нет у меня желания очеркивать жизнь предшествующих поколений, как это нынче принято у резвых «разоблачителей» прошлого. Это тот же большевизм, только иной расцвет. Ибо основа всякого тоталитарного мышления — это беспамятство, суеверное желание иметь все

механического пианино». Это произошло случайно, намеренно?

— «Случайностей» такого рода у меня давно уже не бывает. С самого начала работы над картиной я хотел, чтобы в фильме об ужасах сталинизма звучала, как это ни покажется кому-то странным, чеховская интонация. Приоткрою наш с Рустамом Ибрагимбековым замысел: персонажи «Утомленных солнцем» — это как бы герои «Неоконченной пьесы»...

«Инициатива», надеясь, что картина, увенчанная главным призом на Венецианском фестивале, выдвинутая на премию «Оскар», найдет дорогу к зрителю. Но ленту увидели, без преувеличения, во всем мире, кроме, разумеется, нашей страны. Руководители «Инициативы», получив дотацию от Роскино, чтобы на прокат нашей картины, тут же о ней забыли, накупив на полученные деньги американского ширпотреба...

НИКИТА МИХАЛКОВ, УТОМЛЕННЫЙ КИНОПРОКАТОМ, НЕ СДАЕТСЯ

Известия - 1995 - 26 янв - с. 7

Есть замысел одного неожиданного театрального проекта...

Словом, много чего «варится» в моей так называемой творческой кухне, много разных идей кипит и выплескивается через край. А вообще-то с этими замыслами — все равно как с пельменями: какой раньше выплывет, тот и пойдет в дело...

— Вы как-то сказали в одном интервью, что в вас живут Обломов и Штольц одновременно. Значит ли это, что «Штольц» руководит студией «Три Тэ», Российским фондом культуры, общается с чиновниками из мэрии или Минфина, а «Обломов» в это время предается творческой неге? И вообще, как они сосуществуют в вас?

— А как эти герои уживались в романе Гончарова? То Штольц заставлял Обломова вставать с дивана, совершать ненавистные тому моционеры, то Обломов вынуждал Штольца есть ночью мясной суп. Так и я каждодневно борюсь сам с собой, разрываясь между творчеством и жизненной рутинной. Что греха таить, частенько приходится заниматься вещами, которые мне скучны, неинтересны. От этого никуда не убежишь. Но я стараюсь не делать того, что могло бы внести разлад, дисгармонию в мою душу. Каждый человек — это определенная нота, которую в нас заложила судьба. Мысли человека — еще одна нота. И его поступки — нота. Когда эти три ноты звучат согласованно, ни одна из них не фальшивит, — это и называется счастьем. Похоже, я человек счастливый...

Леонид ПАВЛЮЧИК.

жизнь, которая есть бесценный дар и которая не может, не должна зависеть от произвола того, кто в данный исторический отрезок времени занимает покой Кремля.

— Ваши политические симпатии каким-то образом сказались в картине?

— А у меня, если угодно, нет политических симпатий. Я не принадлежу и никогда не принадлежал ни к какой партии, группировке, блоку. Другое дело, что у меня есть моя личная гражданская позиция, которая, наверное, проявляется в творчестве, да и то, надеюсь, не прямо, а опосредованно. Я никогда не снимал и не буду снимать картины, лобово отражающие ту или иную тенденцию. Как художник, я не имею права стать на чью-либо сторону. Более того, снимая фильм о сталинизме, о кошмарах 1936 года, я старался сохранить максимальную объективность во взгляде на героев этой исторической драмы, которые являются преступниками и жертвами одновременно. Жертвами, подчеркну, своего же собственного злодеяния. Ибо большевизм как явление не щадил никого. Этот монстр пожирал «себя и своих детей», постоянно воспроизводя, омолаживаясь за счет тех, кто еще недавно стоял на вершине власти. Об этом я и хотел напомнить в своей картине, но — через художественные образы, через судьбы людей, а не че-

«сейчас и сразу». Воинствующий атеизм, безбожие, неверие в бессмертие души, возведенные за семьдесят лет коммунистического правления в ранг государственной политики, позволяли с легкостью необыкновенной вершить чудные судьбы, сбрасывать «с корабля современности» Бунина, Рахманинова, Шаляпина, отправлять в чужеземье русских философов, изгонять из страны Солженицына и Ростроповича...

Да, большевизм не принес нашей стране счастья. Но разве нравственно, исходя из этого неопровержимого факта, ставить под сомнение жизнь целых поколений только на том основании, что людям довелось родиться не в лучшие для них времена? Ведь и в самый разгар репрессий так же вставало над землей солнце, и текла река, и звенел мяч на пляже, и дети любили родителей, и родители переживали за своих чад, и тот, кто в первый раз целовал девушку, вовсе не думал, как там поживает дорогой Иосиф Виссарионович... И в этом для меня — боль, страх и горькая нежность того времени, которые я попытался передать в картине, отрешившись от всех своих политических симпатий и антипатий.

— Проницательные критики уже успели заметить стилистическую, образную переключку «Утомленных солнцем» и «Неоконченной пьесы» для

сы...», дожившие до 1936 года. Все та же негасимая необременительная дачная жизнь, все те же неспешные чаепития, все те же разговоры о судьбах страны и особой роли интеллигенции... Но если в чеховские времена недовольство жизнью было всего лишь безопасной интеллигентской рефлексией, то в 1936 году расплатой за эту рефлексию могла стать сама жизнь. И в этом — принципиальное различие двух далеко отстоящих, но для меня по-своему «рифмующихся» эпох российской истории.

— Ваша картина после триумфальной премьеры в Канне, после успешных показов в Париже, Торонто, Хайфе достигла, наконец, и родных берегов, где сразу стала событием культурной жизни. В декабре-январе на вас пролился целый ливень отечественных наград — за лучший фильм, за лучшую режиссуру, вы сами стали человеком кинематографического года... Но самое приятное, что на ленту пошел зритель. Московский киноцентр, где сейчас идут «Утомленные солнцем», собирает на каждом сеансе аншлаги. Похоже, вы можете со спокойной душой подумать о новой работе...

— Хотелось бы, да не получается. Несколько лет назад я был настроен легкомысленно и потому отдал свой фильм «Урга» прокатной фирме

Вновь столкнуться с подобной ситуацией я не хочу и потому занимаюсь прокатом «Утомленных солнцем» сам: выезжаю в регионы, договариваюсь с главами администраций, бизнесменами о дотировании ленты в кинопрокате — с тем, чтобы сделать ее доступной людям. Занятие это мутное, отнимающее много драгоценного времени, что, разумеется, отражается на творческих делах. В частности, у меня не доходят руки закончить картину «Вспоминая Чехова» по сценарию недавно ушедшего от нас замечательного писателя и критика Владимира Лакшина. Эту ленту, в которой заняты мои любимые актеры Ирина Кулченко, Всеволод Ларионов, Авангард Леонтьев, Владимир Ильин, я уже снял и даже вчерне смонтировал, дело теперь — за маленьким «окном» в моем довольно напряженном графике...

— А более отдаленные планы есть?

— Их много. Давно ждет, например, своего воплощения идея фильма о Грибоедове. Не охладел я и к сценарию «Сибирского цирюльника», написанного совместно с Ибрагимбековым. Волнуют меня также замыслы фильмов о Дмитрии Донском, о Николае и Александре, о русском офицерстве — в связи с этим я перечитал недавно «Поединок» и «Юнкера» Куприна, «Солнечный удар» Бунина.